

Инфантьев Порфирий Павлович

Дети-сироты

**Остяки. Рассказ из жизни остяков.
Очерк**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
П60

П60 **Порфирий Павлович И.**
Дети-сироты: Остяки. Рассказ из жизни остяков. Очерк / Инфантьев Порфирий Павлович –
М.: Книга по Требованию, 2024. – 38 с.

ISBN 978-5-519-87124-2

ISBN 978-5-519-87124-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

жать собою умершаго, и начала ухаживать за нею, какъ за живымъ человѣкомъ. Она сажала ее во время обѣда и ужина за столъ, подносила ей кушанья и вообще всячески заботилась и ухаживала за ней, какъ за живымъ мужемъ.

— Мама, когда же вернется тятка?—спрашивали Арину дѣти.

— Не вернется вашъ тятка больше домой никогда. Вотъ теперь вашъ тятка!—говорила Арина, заливаясь слезами и указывая на сдѣланную ею куклу.

— Тятка, вотъ нашъ тятка!—повторяла маленькая Таня, указывая мальчикамъ на куклу и закатываясь смѣхомъ.

— Чего ты, глупая?—останавливала ее Митя, опасливо поглядывая на мать и смутно сознавая, что случилось что-то неладное, и что смѣяться не слѣдуетъ.

Дѣвочка сконфуженно замолкала и тоже дѣлала серьезное лицо, видя, какъ мать съ дѣловымъ видомъ начинала угощать куклу-отца.

Панасъ, уже вполне понимавшій постигшее ихъ несчастье, отворачивался въ сторону и украдкой отиралъ слезы.

Арина рассчитывала, какъ только пройдетъ на рѣкѣ ледъ и станетъ возможно ѣздить на лодкѣ, захватить съ собою дѣтей и отправиться вмѣстѣ съ ними къ своему отцу, жившему ниже по той же рѣкѣ. Матери у Арины не было въ живыхъ, хозяйствомъ отца завѣдывала ея младшая сестра Анна, дѣвушка лѣтъ девятнадцати, и они жили только вдвоемъ въ сравнительно большомъ поселкѣ, насчитывавшемъ 5 юртъ, съ населеніемъ въ 20 душъ. Она знала, что отецъ не откажется принять ее съ дѣтьми къ себѣ, тѣмъ болѣе, что въ случаѣ, если бы послѣдняя его дочь ушла замужъ, ему пришлось бы оставаться совершенно одинокимъ. «Пока отецъ еще въ силахъ,—думала она:—онъ будетъ промышлять звѣря, ловить рыбу, а тамъ подрастутъ ея ребятишки и сдѣлаются ему помощниками!»

Такимъ образомъ за будущее она не особенно беспокоилась, но зато настоящее ея было поистинѣ ужасно.

Время шло. Рѣка очистилась отъ льда, и Арина готовилась уже къ отъѣзду, какъ вдругъ, почти наканунѣ отправленія въ путь, съ ней случилось новое несчастье. Выпимая въ рѣкѣ съ лодки

рыбу изъ ловушекъ, она печаянно упала въ воду и чуть не утонула. Едва-едва удалось ей выкарабкаться на берегъ, держась за опрокинувшуюся лодку. Она сильно застудилась въ холодной водѣ, и ночью съ нею сдѣлались жаръ и лихорадка. На слѣдующій день она уже не могла поднять головы и встать съ постели, а мысль объ ужасной судьбѣ дѣтей, если только они останутся одни безъ нея, окончательно сводила ее съ ума. Чувствуя, что болѣзнь ея серьезна и можетъ окончиться смертью, она рѣшилась, пока еще жива и въ памяти, отправить ихъ однихъ къ дѣду, а самой остаться дома. Она призвала своего старшаго сына и стала дѣлать ему наставленія, какъ плыть по рѣкѣ и какъ попасть въ юрты дѣда. Но мальчикъ года три тому назадъ уже былъ съ родителями въ гостяхъ у дѣда и еще хорошо помнилъ дорогу, такъ что ему не нужно было дѣлать особыхъ указаній.

— Дорога по рѣкѣ одна,—говорила Арина:—вамъ и грести не нужно: само теченіе донесетъ васъ до самыхъ юртъ дѣдушки. Только по дорогѣ встрѣтится вамъ тѣманъ *): такъ если будетъ вѣтеръ, вы не переѣзжайте озеро, переждите,—иначе вашу лодку перевернетъ, и вы всѣ погибнете. Захватите съ собой ѣды, какая еще есть, а мнѣ оставьте только самую малость, да воды немного принесите. Захватите также теплую одежду. Да вотъ возьмите съ собой вашего тятку, кормите его дорогой, пусть онъ вамъ помогаетъ. Да захватите также нашего тонкса **), онъ тоже вамъ дорогой пригодится! Да снимите еще вонъ съ божницы русскаго Бога: онъ будетъ вамъ заступникомъ и покровителемъ въ дорогѣ. Когда пріѣдете къ дѣду, скажите ему, что отецъ пропалъ въ тайгѣ, а я хвораю, и пусть они сейчасъ же ѣдутъ сюда за мной, провѣдаютъ меня, и привозятъ съ собой шамана, который вылѣчилъ бы меня!

Мальчикъ плакалъ и не хотѣлъ оставлять мать одну, но та уговорила его, что для нея же будетъ больше пользы, если они уѣдутъ одни и поскорѣе приплотъ за ней дѣда. Иначе всѣ они погибнутъ.

И маленькій остякъ долженъ былъ сдаться на просьбы ма-

*) Проходное озеро.

**) Тонксы—семейные божки, духи-покровители.

тери. Чувствуя, что на немъ теперь лежитъ вся отвѣтственность за братишку и сестренку, онъ, какъ большой, съ дѣловымъ видомъ началъ собираться въ дорогу. Но прежде всего онъ позаботился о матери: натаскалъ для нея дровъ, воды, провизіи и всего, въ чемъ она могла нуждаться, чтобы все это было у нея подъ рукой. Затѣмъ онъ внимательно осмотрѣлъ ту лодку, на которой они должны были плыть, — цѣла ли она и выдержать ли дорогу, — положилъ въ нее кое-какой провизіи, котелокъ, свой лучший лукъ и стрѣлы, которыми онъ владѣлъ уже въ совершенствѣ, топоръ, нѣсколько оленьихъ шкуръ, которыми можно было бы прикрыться въ дорогѣ въ случаѣ ненастья или холодной погоды, захватилъ кремь, труть, огниво и пр., наконецъ простился съ матерью, посадилъ брата и сестренку въ лодку и отчалилъ отъ берега.

Мать была до того слаба, что не могла даже выйти проводить ихъ, и только, лежа у оконца юрты, со слезами на глазахъ смотрѣла на ихъ отправленіе, мысленно прощаясь съ ними навѣки.

— Прощай, мама! — крикнулъ Панасъ, отчаливая отъ берега.

Арина кивнула имъ головой и безсильно опустила на постель, залпываясь слезами.

II.

Половодье было въ полномъ ходу. Ледъ только-что прошелъ, но рѣки, выступившія изъ береговъ и затопившія тайгу на огромное пространство, еще не успѣли войти въ свое русло. Всѣ лѣса на низкихъ берегахъ были затоплены, и непокрытыми водой оставались только возвышенныя мѣста да сопки, выступавшія изъ воды уединенными островками, на которыхъ часто спасались отъ наводненія разные звѣри: олени, зайцы, а иногда даже и самъ медвѣдь.

Вода въ рѣкѣ неслась со страшной быстротой, и, опасаясь, какъ бы лодка не наскочила на какой-либо пенъ или дерево, Панасъ старался держаться вблизи берега; а чаще всего направлялъ лодку черезъ затопленный лѣсъ, плывя среди ивовыхъ кустовъ, березъ и осинъ. Заблудиться, плавая въ лѣсу, онъ не опасался, потому что всюду теченіе воды ясно обозначалось, и, слѣдуя ему, всегда можно было попасть снова въ рѣку.

Быль ясный весенній день. Теплые лучи солнца лились съ неба и живили природу. Кое-гдѣ тальникъ и березнякъ, стоявшіе въ водѣ, уже начинали распускаться и зеленѣть своею первою нѣжною листвою. Ни малѣйшаго вѣтерка не было замѣтно. Въ воздухѣ стояла невозмутимая тишина; вода была точно зеркало, обрамленное стволами густыхъ деревьевъ, вѣтви которыхъ задѣвали пловцовъ по лицу. Панасу приходилось зорко слѣдить за лодкой, чтобы не засадить ее въ лѣсной чашѣ. Внизу и вверху разстилалась передъ ними голубая бездна, и дѣтямъ чудилось, что они, словно птицы, летятъ по воздуху среди какого-то зачарованнаго сада, и только струя отъ скользящей по водѣ лодки нарушала это очарованіе. По временамъ то тамъ, то тутъ вспорхнеть стая дикихъ утокъ и съ крикомъ поднимется надъ ихъ головами, или вдругъ гдѣ-либо въ глубинѣ лѣса раздастся топотъ ногъ улетающаго лоса, спокойно лакомившагося осиновой корой и неожиданно почувшаго близость человѣка. Панасъ въ этихъ случаяхъ складывалъ весло и зорко начиналъ вглядываться въ лѣсную чашу и прислушиваться. Въ немъ пробуждались стремленія охотника, но у него не было ружья, а однимъ лукомъ съ крупнымъ звѣремъ ничего не подѣлаешь. Митя съ Таней тоже превращались въ зрѣніе и слухъ, пока звуки отъ погѣ удиравшаго звѣря не замирали вдали.

Прошло нѣсколько часовъ. Гребцы устали. Нужно было причалить къ берегу, отдохнуть и поѣсть. Завидѣвъ въ отдаленіи небольшую сопку, поросшую сосновымъ лѣсомъ, Панасъ направилъ лодку къ ней. Сопка среди кругомъ затопленнаго лѣса представляла какъ бы небольшой сухой островокъ, земля на которомъ сплошь была покрыта, точно мягкимъ ковромъ, сѣровато-бѣлымъ пушистымъ мохомъ, усѣянными кустиками красной брусники, оставшейся отъ прошлаго года и хорошо сохранившейся подъ снѣгомъ.

Едва только лодка причалила къ берегу, какъ Таня съ Митей выскочили изъ нея и занялись сборомъ ягодъ. Панасъ, причаливъ лодку къ берегу, съ серьезнымъ видомъ началъ осматривать окрестности, нѣтъ ли тутъ какого опаснаго звѣря, а можетъ-быть, какой-либо дичи, которая могла бы имъ послужить на обѣдъ. Островокъ былъ небольшой, и его можно было легко обойти весь кругомъ.

— Я пойду на охоту, а вы тутъ наберите валежнику для костра!—распорядился онъ и, держа свой лукъ съ наложенной на тетивѣ стрѣлой наготовѣ, отправился вглубь островка. Но не успѣлъ онъ пройти и нѣсколькихъ шаговъ, какъ увидалъ промелькнувшаго среди деревьевъ зайца. Панасъ замеръ и затѣмъ началъ подкрадываться къ тому мѣсту, гдѣ скрылся косой. Но заяцъ, промелькнувшій передъ нимъ, точно сквозь землю провалился. Маленькій охотникъ въ недоумѣніи озирался кругомъ, не зная, куда бы могъ запропасться хитрый грызунъ. Впереди была вода, а Панасъ зналъ, что зайцы не плаваютъ, и поэтому не могъ онъ пуститься съ острова по водѣ вплавь. Вдругъ онъ замѣтилъ почти рядомъ съ собою черный, блестящій глазъ косого, сидѣвшаго на толстомъ бѣломъ стволѣ поваленной бурею березы. Заяцъ такъ прижался къ стволу, что можно было легко пройти мимо и не замѣтить его. Панасъ натянулъ лукъ и пустилъ стрѣлу почти въ упоръ въ зайца; тотъ скатился на землю и запищаль, дрыгая ножками. Панасъ тотчасъ же подбѣжалъ къ нему и дорѣзалъ его своимъ охотничьимъ ножомъ, висѣвшимъ у него за поясомъ. Послѣ этого онъ съ торжествомъ притащилъ его къ приготовлявшимъ костеръ ребятамъ.

— Ну вотъ и свѣжій обѣдъ у насъ теперь будетъ!—съ важностью сказалъ онъ, бросая къ нимъ погамъ добычу.

— Ой, зайчикъ!—вскричала Таня, подбѣгая къ убитому звѣрку и глядя его пушистую шерстку.

Панасъ сложилъ натасканный хворостъ въ кучу, высѣкъ огнемъ пекру, раздулъ огонь, и скоро у нихъ запылалъ костеръ. Затѣмъ онъ ободралъ и выпотрошилъ зайца, зачерпнулъ въ котелокъ воды, положилъ туда изрѣзанное на куски заячье мясо и, воткнувъ надъ огнемъ колышекъ, привѣсилъ къ нему котелокъ.

Обѣдъ вышелъ на славу. Наѣвшись и отложивъ нѣсколько лучшихъ кусковъ «тяткѣ» и бывшему съ ними шайтану, дѣти снова сѣли въ лодку и отправились въ дальнѣйшій путь.

Проѣхавъ нѣкоторое время, они услышали какой-то шумъ впереди, точно отъ мельничной плотины.

— Что это тамъ шумить?—спросилъ Митя.

— А это, должно быть, лупся *); я помню, она была гдѣ-то около этого мѣста. Намъ придется объѣхать ее стороной, черезъ лѣсной протокъ, а то насъ можетъ затянуть въ нее и опрокинуть лодку. Отъ этой лупси уже недалеко и до тѣмана, черезъ который протекаетъ эта рѣка,—сказалъ Панасъ.

— Я боюсь!—промолвила Таня, прислушиваясь къ приближавшемуся шуму.

— Чего жетуть страшнаго? Вотъ мы сейчасъ повернемъ въ лѣсъ по протоку и объѣдемъ лупсю мимо.

И Панасъ, выбросивъ остатки зайца въ жертву водянымъ духамъ, направилъ лодку по лѣсному протоку.

— А что тамъ такое? Отчего шумить вода?—спросилъ Митя.

— А въ этомъ мѣстѣ навалено много разной чащи, которую весной наносятъ изъ тайги половодье. Да развѣ ты не помнишь, когда мы проѣзжали тутъ съ тяткой и мамкой?

Но Митя въ то время былъ еще малъ и ничего не помнилъ.

Панасъ поворотилъ лодку къ берегу, и путешественники поплыли въ сторонѣ отъ лупси, черезъ затопленный лѣсъ, по одному изъ многочисленныхъ протоковъ, образованныхъ здѣсь рѣкой.

По мѣрѣ ихъ приближенія къ лупсѣ, шумъ въ рѣкѣ, которой изъ-за деревьевъ не было видно, все усиливался.

Но вотъ ихъ лодка, обогнувъ лупсю, снова повернула къ рѣкѣ, лѣсъ порѣдѣлъ, и ихъ глазамъ лупся представилась во всемъ своемъ великолѣпнѣ.

Запруженная съ одного берега до другого деревьями, вырванными весеннимъ половодьемъ съ корнями, нагроможденными въ безпорядкѣ другъ на другъ, рѣка въ этомъ мѣстѣ бурлила, шумѣла и пѣнилась, затопляя тайгу на многіе десятки верстъ кругомъ.

Полюбовавшись этимъ величественнымъ зрѣлищемъ, путешественники поплыли далѣе.

— Кто же тутъ нагромоздилъ на рѣкѣ этотъ лѣсъ?—спросилъ Митя.

— А это нагромоздили кули, которые живутъ въ этомъ мѣстѣ!—отвѣтилъ Панасъ.

*) Засорившееся русло рѣки.

— А что, они насъ не тронуть?—боязливо спросила Тани.

— Да вѣдь ты видѣла, что я имъ бросилъ въ воду остатки нашего обѣда. Они вредятъ людямъ только тогда, когда имъ ничего не даютъ!—сказалъ братъ.

III.

Солнце начинало уже склоняться къ западу, когда юные путешественники достигли до томана, черезъ который протекала рѣка. Какой широкій кругозоръ открылся передъ ними, когда они выплыли въ томанъ изъ тѣснаго русла рѣки, окаймленной все время ихъ пути густымъ вѣковымъ лѣсомъ! Впереди былъ безграничный водный просторъ, и противоположные берега озера едва виднѣлись, покрытые туманною дымкой.

Теперь начиналась самая опасная часть пути. Чтобы снова попасть въ рѣку, нужно было пересѣчь озеро по прямому направленію, или избрать длинный, но зато менѣе опасный путь—обогнуть его, плывя около берега. Въ тихую, ясную погоду эта переправа не представляла никакой трудности, но при малѣйшемъ вѣтеркѣ на озерѣ поднимались такія большія волны, что крохотная лодочка легко могла перевернуться. А при болѣе сильномъ вѣтрѣ здѣсь даже и взрослые пловцы, на большихъ лодкахъ, не отваживались переправляться черезъ томанъ и нерѣдко по нѣскольку дней пережидали, когда утихнетъ вѣтеръ, чтобы отправиться въ путь.

Такъ какъ дѣло клонилось къ вечеру, то ребята рѣшили начать переправу только поутру на слѣдующій день, а пока переночевать на этой сторонѣ. Увидавъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, въ залитомъ водою лѣсу, высокій холмъ, Панасъ направилъ къ нему свою лодку, въ надеждѣ найти тамъ сухое мѣсто для ночлега. Мѣсто дѣйствительно оказалось подходящимъ. Здѣсь, недалеко отъ озера, среди урмана находилось старое городище. Былъ насыпанъ высокій остроконечный холмъ, уже заросшій деревьями и окруженный рвомъ и валомъ, давно уже осыпавшимся и тоже поросшимъ лѣсомъ. Это было древнее чудское городище, какія очень часто встрѣчаются почти повсюду въ сѣверо-западной Сибири.

Почти у всѣхъ сибирскихъ инородцевъ существуетъ преданіе, что въ прежнія времена въ этихъ городищахъ жили маленькіе люди, какъ кроты рывшіе свои жилища подъ землей; а потомъ, когда въ ихъ мѣста пришли теперешніе жители и объявили имъ войну, эти земляные люди, видя, что имъ не справиться съ пришельцами, собрались въ своихъ подземныхъ жилищахъ и, не желая отдаваться въ руки враговъ, подрубили подпорки, поддерживавшія

Остяки.

земляныя крыши ихъ жилищъ, и такимъ образомъ скрыли себя подъ землей, гдѣ будто бы они и теперь продолжаютъ жить.

Такъ какъ подобныхъ кургановъ и городищъ было много и тамъ, гдѣ жили раньше наши юные путешественники, то ихъ нисколько не удивило, что они и здѣсь встрѣтили подобное же городище, и они не боялись расположиться возлѣ него на ночлегъ. Они вѣрили, что земляные люди, хотя и до сихъ поръ продолжаютъ жить подъ землей въ своихъ прежнихъ жилищахъ, но оттуда на поверхность земли не выходятъ, никого не трогаютъ и вреда никому не приносятъ.

Снова Митя съ Таней начали собирать сухой валежникъ для

костра, а Панасъ опять отправился на охоту. Начиная отъ городища, вглубь материка тянулся дремучій урманъ, не затопленный водой, но Панасъ не рѣшался отходить далеко отъ стоянки, опасаясь заблудиться. Осторожно пробираясь среди деревьевъ, онъ вдругъ услыхалъ хорошо ему знакомый пискъ рябчика, которому онъ умѣлъ подражать въ совершенствѣ. Панасъ остановился, прислушался, искалъ глазами замолкнувшую птицу и, не видя ея, самъ запищалъ какъ рябчикъ, дую своимъ ртомъ въ сложенные особымъ образомъ пальцы. Тотчасъ же послышался отвѣтный пискъ, ближе прежняго, и вскорѣ Панасъ увидалъ на суку развѣистой пихты рябка, который, опустивъ головку внизъ, съ любопытствомъ вглядывался въ маленькаго остяка. Панасъ прицѣлился въ него изъ лука и пустилъ стрѣлу; рябокъ свалился на землю. Зная, что рябчики летаютъ всегда парами и не расстаются другъ съ другомъ надолго, маленькій охотникъ вновь началъ пищать и скоро снова услыхалъ отвѣтный пискъ прилетѣвшаго на зовъ другого рябчика, котораго онъ также подстрѣлилъ. Продолжая подманивать такимъ образомъ рябковъ, онъ настрѣлялъ ихъ тутъ нѣсколько паръ и вернулся къ стоянкѣ.

— Ужинъ у насъ будетъ сегодня лучше обѣда!—сказалъ онъ, кладя свою добычу на землю.

Митя съ Таней оказались тоже не съ пустыми руками. Собирая валежники, они спугнули въ травѣ дикую утку и, осмотрѣвъ то мѣсто, откуда она вылетѣла, нашли гнѣздо съ яйцами, а затѣмъ отыскиали и еще нѣсколько другихъ утиныхъ гнѣздъ. Панасъ тотчасъ же пошелъ отыскивать утокъ и въ короткое время успѣлъ подстрѣлить трехъ.

Такимъ образомъ у нихъ былъ не только прекрасный ужинъ, но и для слѣдующаго дня оставался порядочный запасъ провизіи.

Вскорѣ у нихъ запылалъ большой костеръ, для котораго Панасъ нарубилъ бывшимъ съ нимъ топеромъ сухихъ дровъ изъ валежника. Затѣмъ онъ ощипалъ рябчиковъ и утокъ, воткнулъ передъ огнемъ нѣсколько палочекъ и напизалъ на нихъ ощипанныхъ и очищенныхъ птицъ. Иногда поворачивая ихъ передъ огнемъ то одной, то другой стороною, какъ это дѣлалъ когда-то его отецъ на охотѣ, онъ великолѣпно поджарилъ ихъ.

Дѣти поужинали, не забывъ угостить также и идоловъ, бывшихъ съ ними.

Такъ какъ было еще рано и ложиться спать не хотѣлось, дѣти взобрались на вершину кургана и начали тамъ безпечно играть и прыгать, скользя по травѣ по откосу внизъ и вновь поднимаясь на верхъ высокаго кургана.

Наконецъ, когда наступили сумерки и солнце начало закатываться, они вновь собрались возлѣ костра. Панасъ заготовилъ на ночь большой запасъ дровъ, чтобы можно было всю ночь поддерживать огонь, разложилъ вытащенные изъ лодки звѣриныя шкуры и постлалъ ихъ возлѣ костра. Куклу-отца онъ поставилъ у постели въ головахъ, шайтанчика — въ ногахъ, а икону — сбоку; четвертая же сторона осталась защищенной огнемъ костра.

— Ну, теперь насъ никто не потрогаетъ: со всѣхъ сторонъ караульные! — сказалъ онъ.

— А земляные люди къ намъ не придутъ? — спросила Таня.

— Они живутъ подъ землей и наружу никогда не выходятъ! — успокоилъ ее Панасъ.

Дѣвочка помолчала немного, затѣмъ таинственнымъ шопотомъ снова спросила у брата:

— А онъ, Панасъ, насъ не тронетъ?

Панасъ боязливо оглянулся кругомъ и тихо, испуганнымъ голосомъ, прошепталъ ей:

— Не поминай про него къ ночи. Онъ не любитъ, когда ночью про него говорить...

Таня оробѣла и быстро улеглась, спрятавшись подъ оленью шкуру.

— Что-то теперь мамка дѣлаетъ одна-то? — вспомнилъ Митя про мать.

— Можетъ-быть, ужъ померла! — выставивъ голову изъ-подъ одѣяла, сказала Таня.

— Ну, будетъ вамъ! Спите! — промолвилъ Панасъ, и слезы показались на глазахъ у маленькаго остяка при воспоминаніи о безпомощномъ положеніи матери, въ которомъ они ее оставили.

Наступила тихая весенняя ночь. Мракъ въ лѣсу сгустился. Пока было свѣтло, дѣти держались бодро и ничего не боялись, но по мѣрѣ того, какъ почиыя тѣни все болѣе и болѣе окутывали